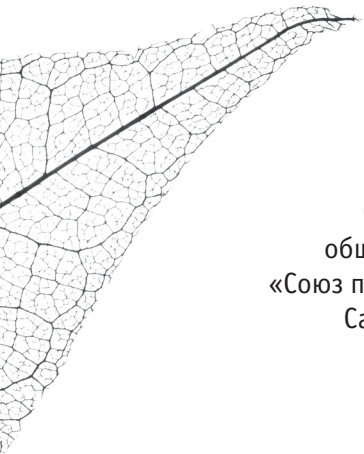

Елена Литвинцева

КРУЖНЫМ ПУТЁМ

Книга стихов

Санкт-Петербургская
общественная организация
«Союз писателей Санкт-Петербурга»
Санкт-Петербург · 2023

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Л 64

Литвинцева Е.

Кружным путем. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургская общественная организация «Союз писателей Санкт-Петербурга», 2023. — 144 с.

ISBN 978-5-00098-363-8

В новую книгу Елены Литвинцевой вошло избранное из книг «Белый шум» (2008), «Свой туман» (2014), а также включены новые стихотворения.

В стихах Елены среди многообразия тем и смены интонаций прослеживается история любви её героини.

В названии книги есть намеренная перекличка со строкой Вероники Капустиной «Любимых к нам вели таким кружным путём...»

Этот «путь» в поэтике выглядит как недоговорённость и принципиальная непредсказуемость поэтической мысли, соседство «далековых идей» и предельно откровенных образов.

Редакторы Вероника Капустина, Наталия Сивохина
Составление при участии Бориса Григорина

*Издание выпущено при поддержке Комитета по печати
и взаимодействию со средствами массовой информации
Правительства Санкт-Петербурга*

*Издание Санкт-Петербургской общественной организации
«Союз писателей Санкт-Петербурга»*

Электронный адрес для связи: litvintseva73@mail.ru

ISBN 978-5-00098-363-8

© Литвинцева Е., 2023

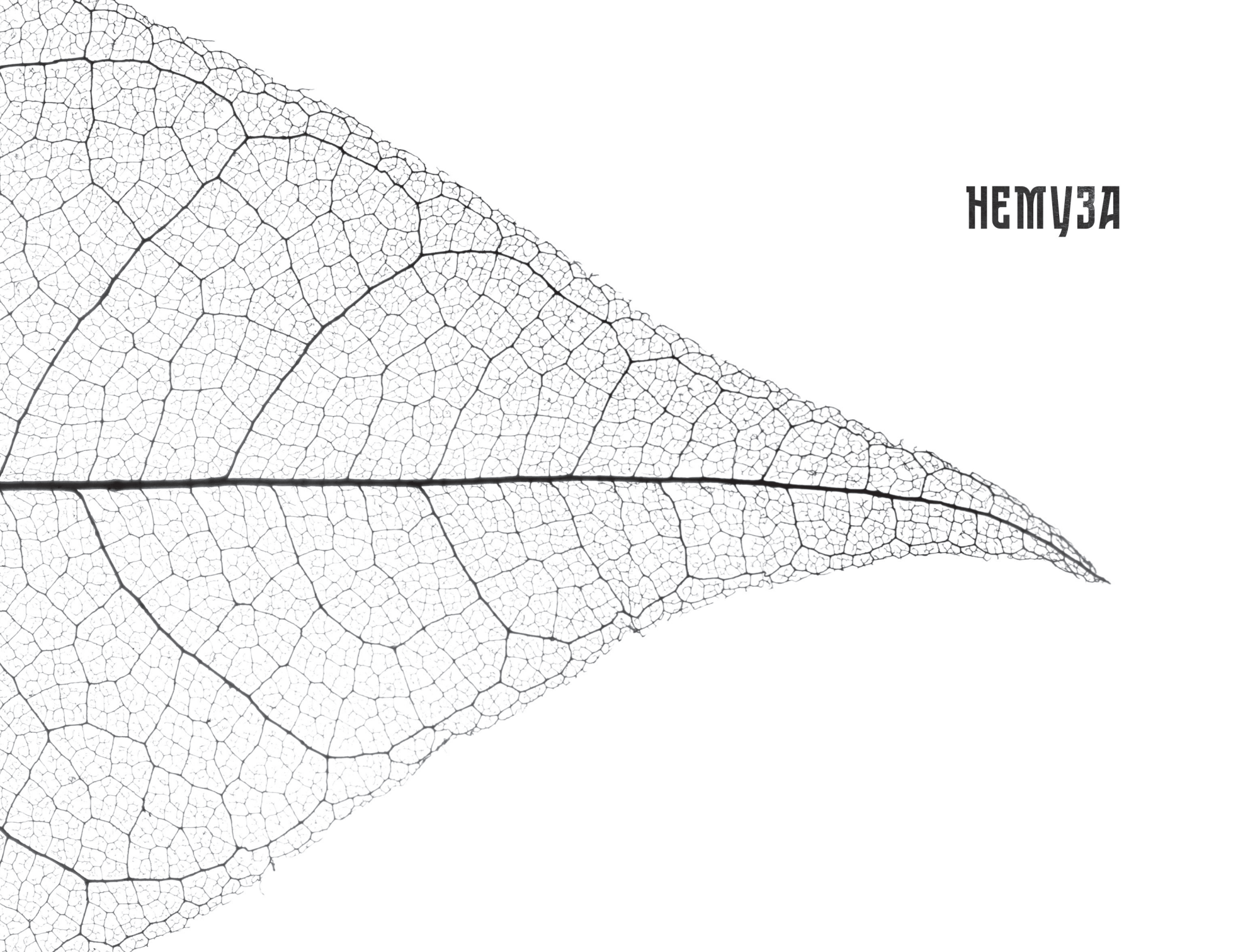
Вместо предисловия

«Без страдания стихи — лопухи...» — пишет петербургский поэт Елена Литвинцева. И она права: только если пропустить стихотворение через душу — случается чудо. В этой книге оно происходит постоянно, и неважно, чем вызвано волшебство: любовью лирической героини, её размышлениями о скоротечной жизни, удивительной северной природой или ностальгией по детству и юности... Голос Елены Литвинцевой не спутать ни с каким другим:

У меня был друг, похожий на белый гриб,
Мы ловили в депошной речке смешнящих рыб.
На другой земле, за давностью не виню,
Столько лет уж чешет пятками авеню...
От любви и родины тени плывут, скользя.
Нету счастья слаще, чем лазить, куда нельзя!

Ворованный воздух — написал когда-то Осип Мандельштам о хорошей литературе. Рискну сказать, что лежащую перед вами книгу можно причислить именно к таковой.

Наталия Сивохина

HEMУЗА

* * *

Ты говоришь, что Бога нет.
Но кто же сделал нас такими,
что мы, прозрачные на свет,
летаем птичками лихими?!

В кафе над стульями, столом
висим, щебечем и смеёмся,
то друг у друга под крылом
в щемящей нежности сольёмся.

Откуда этот дивный дар?
Кто сбросил с нас земные путы?
Не говори, а пей нектар,
пока цветут твои минуты.

* * *

Нет-нет! Такого не бывает,
Чтоб полюбил тебя поэт.
Он спит и не подозревает,
Что полон звуками рассвет.

Звучат канцоны и сонаты,
Шумит камыш, и стонет клён
О том, что недовлюблена ты
И твой поэт недовлюблён.

Недоцелованные тени
Желают слиться во плоти.
И жизнь цветёт, как куст сирени,
А завтра может отцвести.

Проснись же ты — недолюбимый!
Прочувствуй так же, как и я,
Расклад весны непоправимый,
Слепую горечь бытия.

Всё для тебя

Был сильный дождь. Мы в озере одни
Куда-то плыли голы, бесшабашны.
Хоть вынырни, хоть заново нырни —
Кругом вода. Все помыслы не страшны.

На берегу промокшие дрова
Нас ожидали, мокрые вещички.
Стучали зубы. Бедные слова
С трудом сложились в «д-д-дай мне спички!»

И ты зажёг! О, Господи, зажёг!
Ведь дерево сыреет только с боку.
Костёр взметнулся быстрый, как прыжок, —
Он вырастал, он возносился к Богу.

Мы голые стояли у огня.
Дождь лил сильнее. И никуда не выйдешь.
Пробормотал ты, глядя на меня:
«Всё для тебя! Ты чувствуешь?! Ты видишь?!»

Немое ах! Стихийных рвений стык.
Затихшая в кустах семейка птичья...
А у огня был собственный язык —
Молчания, мерцания, величья.

* * *

Проснёшься в полдень. Через два часа
Небесный свод мрачнеет и темнеет.
Таков декабрь. Такая полоса.
Душа своё бессилие лелеет

Взорваться от мелькнувшего луча,
От взгляда или радиосигнала.
У нас зима похожа на врача,
Что в карту вместо «буйно-» пишет «вяло-».

Храни произошедшее с тобой.
Ещё взлетит подсохшая петарда!
Ты помнишь, купол неба голубой
Нас покрывал в тиши в начале марта.

Ещё с тобой воспрянем, а пока
Включи огни — повсюду тьма слепая.
Большая ночь. Густые облака.
Бредём во сне, но спим, не засыпая.

* * *

Вдруг сорваться из дома и стрелою — в метро.
Через час из подземья — по ступеням бегом.
На платформе Удельной, дверь держа сапогом,
Двинуть тело и сумку в электрички нутро.

Вот и наша поляна средь могучих снегов,
Мы её раскопали меж лесов, берегов
И нарезали сало,
А потом по одной!
В целом свете не стало
Вмиг печали земной.

Коль на озере ночью подожжёшь фейерверк,
То отпразднуешь праздник бытия своего.
Снег, лопата и лыжи нас сдружили навек,
И с раскидистых елей снизошло волшебство.

Сказка, тайна и фокус —
Жизнь прожить и — заметь! —
На последний автобус
В миг последний успеть!

* * *

За одну большую неприятность
Вышло много маленьких везений!
Счастья нету, только вероятность,
Что тебя спасает скромный гений.

Вынесет чутьё в такие сферы,
Где с тобой поступят справедливо,
Под руки возьмут, снесут барьеры
И нальют какого-нибудь пива.

Я уже хочу в такие дали,
Где одни лишь ангелы тверёзы.
Воспарю я — только и видали
Сапоги мои в ветвях берёзы.

Буду брать лежащее непрочное,
Окрылять ползущее бескрыло,
Возвышать живущее порочно.
Что найдёшь на свете — то и мило!

* * *

Мой новый знакомый с утра позвонил.
Подумала я: ну и что же,
Что ростом он мал, неприметен и хил.
Но я ему нравлюсь! О Боже!

Блестящих людей я уже не хочу —
Так быстро краса отцветает.
И всё, что даётся, — всегда по плечу,
А кто до плеча — подрастает!

И я от свидания не откажусь.
Узнаю, поймала того ли,
Кто мне пригодится, кому пригожусь
По Божьей и собственной воле.

Немуза

Ты был вдохновеньем моим, дорогой!
Никто твоё место не занял другой.
Без Музы живу я, без Музы.
Живу, наблюдая за миром своим,
Звезду изучаю, что светит над ним —
Она не теплее медузы.

Мне странно, что, даже когда тебя нет,
Фонемы вливаются в мой кабинет
Отставшей от света волною.
Пою об утрате, пробое в душе
И чувствую нечто. И вот неглиже
Живое не-ты предо мною.

Я плачу, но кажется — плачет не-я:
Немуза, немужа, немужа моя,
Не-мы в наслажденье от муки.
Как странно любовь существует без нас:
Она в бестелесный отпущена транс.
Рыдают щемящие звуки.

* * *

Твои прикосновения лечили,
В твоих руках плескалась жизнь моя.
А то, что выливалось за края, —
Наверное, и называлось «я».
Пока нас, как детей, не разлучили.

Потом, когда накрыла землю мгла,
Моя душа плыла без попеченья,
И были в ней нелепые теченья.
Моим чертям досталось развлечение —
Плясать, в чём их природа родила.

Мы состояли вовсе не из прозы,
Мы пели из последних сил и нот.
Всегда наутро кто-то был не тот,
И снегом застилало небосвод,
И не было ответов на вопросы.

* * *

Бог ухабов, бог метелей...

П. Вяземский

Ах, как бы я в метель вошла —
В могучую метель,
Оставив нужные дела
И праведную цель.

Но нету никого вокруг —
Все в хаты шмыг да шмыг.
Мне был бы самый лучший друг
Ханыга из ханыг.

Прохожий был бы унесён,
Лишь только покажись,
В мою недолгую, как сон,
Провьюженную жизнь.

Безумный танец, круговерть,
С заходами извне,
Мельчайших льдин любовь и смерть,
А мы поём на дне.

О, Бог метелей, восхитись,
Как нужен сей бедлам,
Чтоб, надышавшись, разойтись
По праведным делам.

* * *

Я протру платочком твои усы
(Таёт иней на них в метро),
Позабыв, что есть на Земле часы
И на них в этот миг — зеро.

Мой последний поезд уже в пути,
За тоннелем другой тоннель.
Из депо сумею домой прийти
Сквозь заборы, мороз, метель.

За меня не бойся, усатый бес.
Столько жизней прошло во сне!
Не беда, что кто-то во мне исчез,
Кто-то новый ожил во мне.

* * *

Уехал друг, и жизнь моя закрылась.
Переучёт, кругом переучёт.
Хоть нет тоски, но осень — это сырость.
Снег выпадает, тает и течёт.

Протёк сапог, ремонт чего-то стоит.
Коль ты — герой, так делай всё сама.
Тебя вовек никто не успокоит.
Грядёт зима. Всегда грядёт зима.

Что есть зима? Я знаю: это лыжи,
Искристый пар от шерстяных голов.
Да кореша, по-своему бесстыжи,
Нагрянут, выпьют, станут делать плов.

А что есть плов? Рис, мясо и морковка,
Зира, конечно; перец, барбарис.
Пока кипит, поёт Давыдов ловко:
От злой тоски, от злой тоски не матерись!

Но злой тоски, я повторяю, — нету,
А просто что-то замерло во мне.
Работаю, кручусь, куда-то еду,
Но еду не на розовом слоне,

Я на трамвае еду — как так можно?! —
Без лирики, без всяческих прикрас
Быть тем, кто есть, безобразно, безбожно
Натянутым на жизненный каркас?

Но это жизнь. А что-нибудь иное
Сбежит и не оставит ни следа.
Туман страстей остался за спиною.
Открылся мир, и хочется туда.

* * *

Прошедшего времени как бы и нет,
Одни дневниковые сказки.
Входила разлука ко мне в кабинет,
Нетрезвые строила глазки.

Она говорила: «Скорее умри,
Уже ничего не случится!
К чему продолжать от зари до зари
За новой зарёй волочиться?»

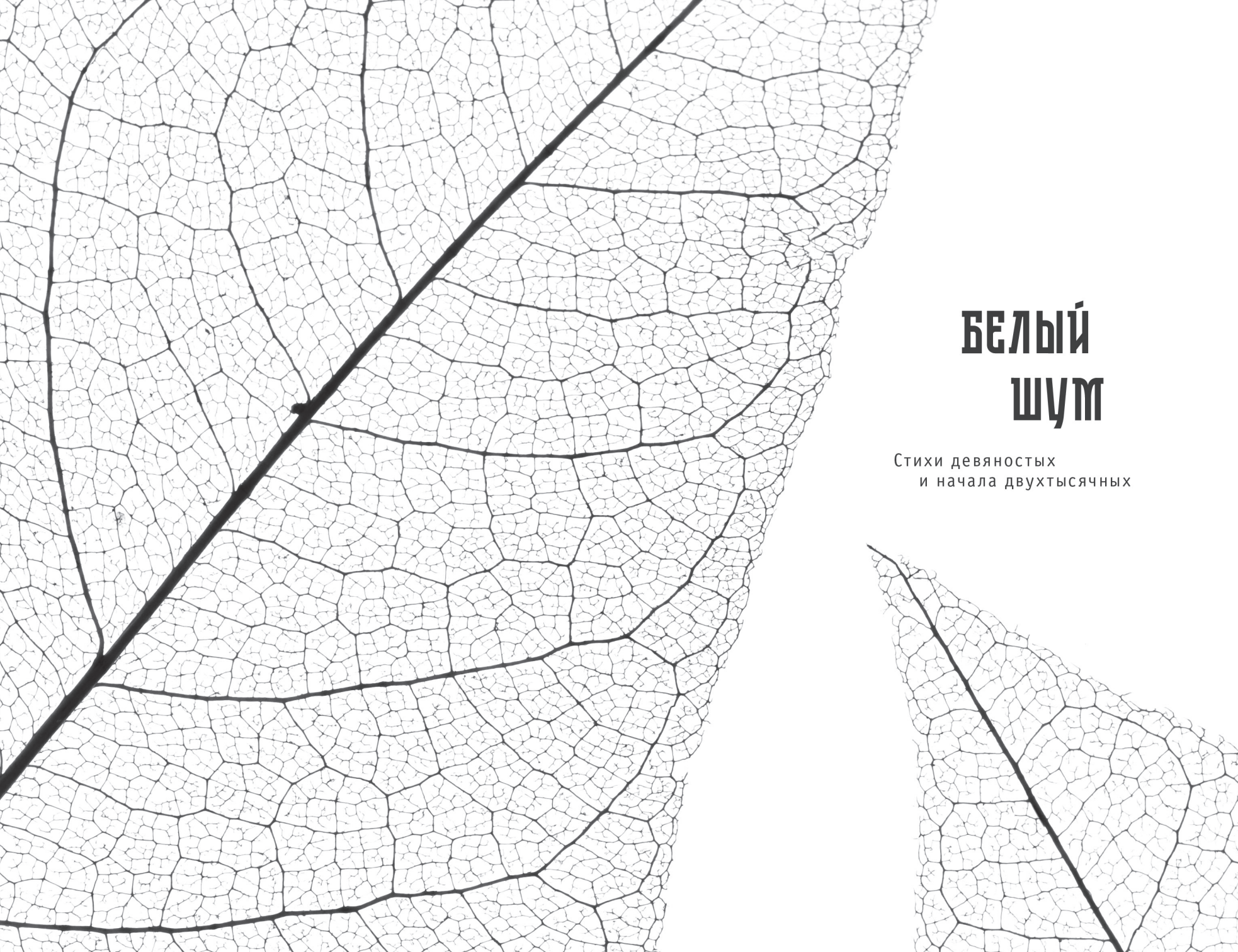
Над этим смеялась луна во дворе —
Как сильно ты был заморочен!
А новое счастье на новой заре
Полезло из всех червоточин.

* * *

На месте на пустом рождаются мечты.
И важно рассчитать точнее промежутки:
Не в понедельник, нет, во вторник нужен ты!
Чтоб жажда выросла и стало не до шуток.

Так осень создаёт иллюзии во мне,
Я ими заражу тебя, мой друг старинный,
Чтоб изживать тоску в душевной глубине
Пред мрачным декабрём и всей зимою длинной.

Сомнение вползёт: мол, хлипковатый шанс.
А дальше? Как бы не... Но вторник катит росы.
Листья и шёпот звёзд нас погружают в транс,
Чтоб философский червь сглотнул свои вопросы.

БЕЛЫЙ ШУМ

Стихи девяностых
и начала двухтысячных

* * *

Лягушек не трогай — смутятся верхи
И горьким окажется дождь.
Бывают такие слова и стихи,
Которые вряд ли найдёшь.
Колибри такого калибра, что их
Едва ли заметишь. Мигни —
И нету ни крылышка. Вечен и тих
Твой поиск, нездешни они.
Есть вещи, которые глупо пилить,
Медузы, которых не взять,
Медведи, которых нельзя шевелить,
И музы, которых нельзя.

* * *

Я люблю Вас, и это похоже на белый шум,
Непонятной формы сигнал, поступивший заранее.
Я не знаю, чего ещё мне придёт на ум
Для того, чтобы описать моё состояние.
Это всё, и не надо думать, что я шучу.
Шутки кончились, как зимою дожди осенние,
И теперь серьёзно Вашим рукам вручу
И терпение, и нетерпенье, и потрясение.
Потрясём судьбу, а то не дождёшься ввек
От неё давно желанной любовной линии.
Исчезающий, незатейливый Человек,
Я люблю Вас так, как ветки сверкают в инее.
К нам летит звезда сбывающейся мечтой —
Налитой, созревшей, проще сказать, намученной,
Той наивной, детской, честное слово, — той.
То ли долг старинный, то ли аванс полученный.

* * *

Располнела в полях капуста,
Пахнет август, как кориандр.
У меня оживают чувства —
Вы мне нравитесь, Александр.

Я смеялась над воробьями —
Первый раз за последний год.
Птицы в пыльной купались яме,
За кустом притаился кот.

Предаваясь живому чувству,
Можно жить и варить обед.
Я пошла разбирать капусту —
Нет ли гусениц на предмет.

* * *

Про пустяк, про песок в пятерне
Песню тихую шепчешь, Создатель.
Видишь, сын мой плывёт на спине,
Сам себя на воде открыватель.
То боится, что дна не достать,
То забудет о дне и о страхе...
Так однажды душевную гладь
Растревожат глубокие взмахи.
Вспыхнет мир — на волны гребешке
Ярких зайчиков новый десяток!
А пока на горячем песке
Исчезают воронки от пяток,
В сонном небе плывёт на спине
Конь крылатый и в точности знает:
То, что нынче мелькнёт в тишине,
Без следа не растает.

* * *

Какой-то бац, какой-то бум,
Летает разум вдалеке.
Остывший пепел. Ветра шум.
Сандаль дырявый на песке.

А может, стук, а может, в дверь.
А может, вовсе не туда.
А может, глюк, а может, зверь
Иль злая щука из пруда.

Писать охота манифест,
А в голове электросвист,
И сам не знаешь, кто ты есть:
А может, пас, а может, вист.

Неяркий свет и чья-то тень
Под монотонный скрип пера.
А где-то ночь, а где-то день
И бесконечная гора.

А за горой — прошедший век,
А там, где синевеет даль,
Смотрел на звёзды человек
И пепел стряхивал в сандаль...

* * *

Снова стая фиолетовых птиц
Вылетает у тебя из-под ресниц.
И всё больше их становится тут,
И меня они уже узнают.

Наши странные с тобой вечера...
Познакомились как будто вчера.
Время вышло. Не кусай себе ус,
А потрогай на руке моей пульс.

Наша ветреная страсть для меня
Стала судорогой каждого дня.
Что там грезилось — об этом молчок.
Я попалась на нехитрый крючок.

Одинокая гуляет судьба
По обрывкам пожелтелых страниц.
Как-нибудь я проживу без тебя,
Но никак без фиолетовых птиц!

* * *

Вот корюшка пошла от северных морей,
Черёмуха цветёт — пока теплей не станет.
Звони мне иногда, известиями грей,
Что жив ты и здоров, хоть безнадёжно занят.

Как горько понимать, что занятость твоя —
Не занятость, а лишь удобная личина.
Какая может быть средь краха бытия
Любви не удержать весомая причина?

Но слить в единый вихрь я, видимо, смогу
Шальные в голове и северные ветры.
Я в память о тебе под вечер пробегу
На старом пустыре сырые километры.

Я в память о тебе и мысли, и стихи
В порядок приведу, густую пыль повыбью,
И корюшки куплю, и, выдернув кишки,
Я съем саму весну, вдыхая душу рыбью.

Спасибо, дорогой, за то, что понесло
Меня течение вверх, за то, что сумрак редок.
Черёмуха цветёт — желание светло
Нечётное число сорвать душистых веток!

* * *

Посреди своего человеческого века,
Груз тяжёлый влача недоделанных дел,
Я люблю, я люблю, я люблю человека,
Как едва ли того мой хранитель хотел.
Я ударились лбом о строку патриарха,
Описание сошлось подетально — люблю.
Промежуток, зиявший так долго, так ярко
Между нами и небом, стремится к нулю.
Жажда смерти взаимной откликнулась в нервах,
Волоконца раскинулись метров на сто.
Что я сделаю с тем человеком во-первых?
Во-вторых? Ну а в третьих-то...
Господи, что?

* * *

Всё невозможное станет возможным,
Если возможны мы здесь на Земле.
Мы — настоящие, мы — непреложны,
Мы — это те, кто сияет во мгле.
Слышишь, любимый, дрожащие звуки
Трепетных струн голубого дождя?

Капли горячие падают в руки...
Как не присвоить, по свету бродя,
Эту любовь — если нравится слово,
Произнесённое тысячу крат?
Как не ослепнуть от блеска такого?
Рифмою «брат», мой невиданный брат,
Я наслаждаюсь, как соком древесным.
Дай мне себя! Я взываю и жду,
Не потому, что любить интересно,
Не потому, что курить на ходу
Вредно и небо мутнеет над нами
(Нами же будет освящено!) —
Просто плодятся цветы семенами.
Просто иначе запрещено.
Всё что из луковиц — недолговечно,
Струны поют в обомлевшей тиши...
Слышишь ли ты, человечек сердечный,
Зов неприкаянной вечной души?

Сильверст

Моя порода в деда,
Коварен Божий перст.
Какой был непоседа
Мой дедушка Сильверст!

Лолитою под утро
Скакал в одном носке.
Теперь смешно и мудро
Живу в своей тоске.

Смычком владел он чисто,
Конём ходил сплеча.
Мой дед был шахматистом
С призваньем скрипача.

Но что же мне при этом
Покрыла ноги шерсть?
Куда ходил с приветом
Мой дедушка — бог весть.

Придя ж в родные стены,
Герой дрожал, как лист.
Жаль, бабушкины гены
В меня не пробрались.

Всё было б в жизни густо,
Прекрасно и светло —
У ней мораль и бюста
Четырнадцать кило.

Махала бабка тростью,
Кричала: «Муж — прохвост!»
Ростки того прохвостья
Во мне пустились в рост.

Сильверст не без улыбки
От бюста удирал
В свой сад, и там на скрипке
Он в шахматы играл.

Потом совою ухал
Под мухой на крыльце,
А я умру старухой
Под бабочкой цеце.

С небесных усмехалищ
Мне выпал странный фант —
То ваш, Сильверст Михалыч,
Сомнительный талант.

В каком-нибудь колене
Потомок мой в тоске
Припомнит бабу Лену
В гробу в одном носке!

* * *

Через день бывает худо,
Коль живёшь, от всех удрав.
Где-то ходят два верблюда,
Но один из них — жираф.

Где-то бродят два слонёнка
И гоняют облака.
Я похожа на ребёнка,
Но с душою старика.

Закипел пузатый чайник
И от горя почернел.
А души моей начальник
В поднебесье улетел.

* * *

Намазаться кофейной гущей,
Нырнуть в бассейн ледяной —
Наверно, это способ лучший
Воспрянуть от тоски земной.

Когда блаженства ищет тело —
И фибра каждая поёт!
Поддай ковшей пятнадцать смело
И в жаркий пар — а после в лёд!

Нет чуда в способе старинном —
Душа желает, распалясь,
Чтоб дофамин с серотонином
Вступили в правильную связь.

Депо Автово

* * *

У берёз старинных чёрный и тонкий прут,
На ветвях висячих тайны былых миров.
Побросав дела — пустой канцелярский труд,
Я пролезла в ночь под забором в депо метро.
Приласкала злых, голодных охранных псов.
Холодок, мурашки, нервы, адреналин:
Сторожа придут, повяжут, заткнут засов...
Не придут, не скажут. Лунный качался блин,
Из тоннеля чёрного близился мощный свет,
Освещая ряд прекраснейших тех берёз,
Сохранившихся, как — неясно, в промзоне, здесь.
Дребезжал, сверкая, ближний и дальний рельс.
Эпизод печальный мог бы сей вид повлечь:
Под берёзами близ тоннеля на рельсы лечь,
Приближаясь к тому пределу, где всё равно.
(Здесь мы как-то видали зайца давным-давно!)

У меня был друг, похожий на белый гриб,
Мы ловили в депошной речке смешнящих рыб.
На другой земле, за давностью не виню,
Столько лет уж чешет пятками авеню...
От любви и родины тени плывут, скользя.
Нету счастья слаще, чем лазить, куда нельзя!

Однажды я искала хрен в тумане.
Отец соленье делал. Вкуснота —
Поесть груздей хрустящих на сметане.
— Поди, добудь хренового листа, —
Сказал, — тебе же ведомы в природе
Съедобные растения, цветы,
И в городе, как будто в огороде,
Сыскать чего угодно можешь ты.
Я помнила, что у кинотеатра
Видала лист хреновый. В том году
Не стала рвать, оставила «на завтра»,
Предчувствуя грядущую нужду.
Густой туман и осени сиянье
Сознание захватывают в плен.
Я стебли тереблю, веду желанье,
А хрена нет! Куда девался хрен?

Всё исчезает в местности убогой,
Не выказав продления примет.
Хожу я на автобус той дорогой
И всё смотрю: где хрен? А хрена нет.

Сквозь немытые стёкла в кривое окно
 Бездёжно смотрю на огни я.
 Приезжай, Исидор, мы узнали одно —
 Нам не вылечить шизофрению.
 Приезжай, мы не будем бороться ни с чем,
 Только было бы занято место.
 Не затем, чтоб оставить следы, а затем,
 Чтобы их оставлять у подъезда.
 Можно в сладком миноре съезжать под откос,
 Слушать танго, смеяться над прессой —
 Пережить, переждать полуночный психоз,
 Вжиться в серое время депрессий.
 Ты не знаешь всего и кружишь до сих пор —
 Так бездумно полжизни пропели.
 Некто тронет плечо и шепнёт: «Исидор,
 У тебя отвалился пропеллер».
 Это значит, грядёт расставанье с душой.
 Не печалься, так богу угодно.
 Расставанье с душой — это праздник большой
 По сравнению с нашим сегодня.
 Да и то — что за важная птица душа?
 Без неё доживём до капли,
 Двинем тело своё без души, не дыша,
 Под окном закопаем пропеллер.

Поспеши разделить депрессивный минор
 На двоих, чтобы нас не скрутило
 Бездёжно поврозь. Жду тебя, Исидор,
 Чтoб хоть что-нибудь происходило.

Помнишь, Вовочка? (Не пытайся сказать, что нет!)
 — Нич-ч-чего не помню, отшибло память.
 То ли дело школа. Завуча кабинет.
 Да и тот местами уходит в замять.
 Перепёлки прыгали где-то с восьми утра.
 А теперь их нет. Ну, где они, эти птички?
 И у каждой были крылья и два бедра.
 За портретом Энгельса Машка хранила спички.
 Нич-ч-чего не помню более, чем люблю.
 Нич-ч-чего не знаю далее, чем удобно.
 Ничего не вижу — зренье пошло к нулю.
 Никого на вкус не чувствую внутринёбно.
 Никаких ежей в песочницу не вкопал
 И ни в чьих мозгах занозой замечен не был.
 Революцию, путч и бабью любовь проспал,
 А когда очнулся — такое же точно небо
 Теребило дни. Футбол. КВН. Уют.
 Включишь кран на кухне — могут потечь стихи.
 Набежит бабё — и новые мысли льют.
 Кореша зайдут, на сладенькое легки.
 Иногда один попросит ему сонет
 Забабацать клёвый. Ты же умеешь, Вова!
 Ты же помнишь — как... Не пытайся сказать, что нет..
 — Вообще не знаю даже такого слова.

* * *

Сегодня гололёд, а завтра будет слякоть,
И снова гололёд, и вновь растает снег.
И снова нету слёз, когда пора заплакать.
К далёким рубежам замыслю я побег.

Из дома выхожу — со мною было это.
Бредущий мимо кот всё так же полосат.
Я так же, как сейчас, тогда была одета,
В таком же феврале, но много лет назад.

Такую же тоску швыряла я в прохожих,
Такую же любовь — в пучину облаков.
В такой же день и час искала я похожих
Немного на себя и лезла из оков.

Хотелось мне того, что есть сейчас со мною,
Теперь — наоборот. Темнеют небеса,
Смеются надо мной за каждую стеною
Резвящихся чертей дурные голоса.

Скользит по глади кот в неяркую полоску.
Природа шепчет мне: не бегай далеко,
Смотри судьбе в глаза, как мальчику-подростку,
Чуть-чуть со стороны, спокойно и легко.

* * *

Вдали сердечные дела,
Любовь растаяла, как снег.
Я раньше женщина была,
Теперь я просто человек.

А память сердца — не гони! —
Наполнит призраками дом.
Когда рассеются они,
Сверкнёт река на солнце льдом.

Я натяну тогда коньки
И напишу ногами то,
Что есть счастливые деньки,
Когда не любитесь никто.

**В ЖУРНАЛАХ
КЛИНИКИ
НЕВРОЗОВ...**

* * *

Душа открылась, чтоб закрыться
Теперь, как видно, навсегда.
Безумье то не повторится.
Сгущенье горя и стыда

Съедает время понемногу.
А сердце, как пустой вагон,
Куда-то едет, слава богу,
Летит пейзаж со всех сторон.

Кругом измученные лица.
Наверняка в любом из них
Живёт возможность застрелиться
От невозможностей земных.

В окне листвы желтеют пятна.
Придёт зима пургой клубить.
И всё, что будет, неприятно
Своей обязанностью — быть.

* * *

Мне не придумать, как в двенадцать лет,
Свою игру, не выставить по солнцу
Твои часы, не утянуть штиблет,
Не позвонить под вечер незнакомцу.

Я не полезу с братиком под стол,
Устроив там укрытие, избушку.
Уже давным-давно не мою пол,
Хотя ещё могу взбивать подушку.

Моя подушка — выход в мир иной,
Когда тоска и сил осталось мало.
Но еженощна радость под луной —
Из жизни уходить под одеяло.

* * *

Юпитер светит между елей.
А я, утратив благодать,
Вдруг начала на самом деле
О смерти думать и гадать,

Как умереть... Пристрелят волка,
Меня ж оставят и запрут.
Горит луница в полпосёлка.
Под ряской мелок старый пруд...

Ну засверлись электродрелью,
Хоть жалко пачкать инструмент.
Планета спряталась за елью,
Чтоб не смутить в такой момент.

Как я сползу? Нелепо, криво.
Блеснёт сияющая твердь.
Красиво! Всё вокруг красиво!
Да не красива только смерть.

* * *

Мне камыш сказал, что любви там нет,
Ибо страсть кипит — только сердцу врёт.
И в мученье том не звучит сонет,
Не звенят ручьи, не слабеет гнёт.

Там черным-черно и для чёрных глаз,
Там душа на части развалится.
Соберу осколки я или враз
Станет тенью навек страдальца?

Для чего ты мне освещаешь путь,
Раз темны и плохи мои дела?
Разобью твой образ — а в сердце жуть,
Словно смерть Вселенной увидела.

* * *

Вот сидит она одна на берегу,
С елей капает осенняя вода.
Небо в каждом разбежавшемся кругу,
А в глазах — былых событий череда.

Ели мокрые стояли, как стоят,
И такой же дождь, и проблесков игра.
А в пластмассовой бутылке страшный яд —
Одинокая вода. Домой пора.

Исчезают берега и времена.
Поминать любовь и грустно, и светло.
Вот и станция знакомая видна.
Слава богу, полегчало, отлегло.

* * *

Лечить депрессию шампанским,
Сигары вкусные курить
С восточным запахом шаманским —
Прекрасно, что и говорить.
Купить родным по эскалопу,
Наесться вкусного сполна
И даже взять билет в Европу
Возможно в наши времена.

Нас GPS ведёт по карте.
Всё — да. Но слёзы по щеке,
Когда план действий при теракте
Записан в школьном дневнике.

* * *

Хорошо бы разом покрыться мхом,
Замереть, не чувствовать ни черта.
Превратиться, что ли, в могильный холм?
Стать покоем, вечностью? Красота!

Рукава шуршат, ветки рук тая.
Деревянность ног перейдёт к спине —
Может, сразу деревом стану я!
Поползут жучки, червячки по мне.

Наедятся их соловьи сполна,
Наклюются так, что в гнездо не влезть.
Заиграет день, зазвенит весна,
Понесётся песни благая весть.

9 Мая

Как гуси-лебеди, летят
Железные машины в ряд.
На них смотрю не отрываясь.
Давно закончилась война,
Была героям даль видна.
А я слезами умываюсь.

Солдаты гибли на войне,
В боях — в пронзающем огне,
Чтоб наша жизнь цвела поныне.
И мне так стыдно за себя:
Иные раны беребя,
Сию в болезненном унынье.

Любовь тянула лишь ко дну,
Я долго выла на луну,
Хватала жадно, как волчица,
Кусочки нежности твоей,
Весна моих ушедших дней, —
Чтоб постареть и отключиться.

Велик сегодняшний парад,
Мне говорят, что каждый рад.
Но сколько лет в стационарах
Нас в божеский приводят вид,
Когда и тут и там болит?!
Играют барды на гитарах

Такую смертную тоску.
С собою, в собственном соку
Идёт война не понарошку.
А за пределами души
Уюта нету, за гроши
Мы продаёмся понемножку.

Когда б себя всего отдать
За дело жизни, благодать
Была бы, как у наших дедов.
Каков страны моей удел,
Где нет для всех почётных дел?
Я гибну, пули не отведав.

Весна

Кире Грозной

Рассвет вольётся бледно-розов
В проём больничного окна...
В журналах клиники неврозов
Нетленны наши имена.

Лицо, облезлое от хлорки.
Пронзительный глубинный бред.
У них в каком-нибудь Нью-Йорке
Таких, как мы, в помине нет.

Тут больше пьют, чтоб меньше кушать.
А клюнет в мягкое петух —
Мы можем в пять минут разрушить
Свою судьбу и в прах, и в пух.

И снисходительное небо
К нежданно вспыхнувшему миру
Глядит, как ты из крошек хлеба
Себе вылепливаешь храм.

* * *

Никакой причины... Как в полусне двояком,
Нарастает ужас, будто стихийный гул.
Просветлеть нельзя, доколь не накрыло мраком.
Невозможно всплыть, пока ты не утонул.

Так плыви вперёд, туда, где волна чернее,
Где грохочет небо, давит, бурлит, гнетёт.
Музыкант добавит: нет парусов на рее.
В голове ответом: всякая жизнь пройдёт.

Шевели руками, воздух вдыхай со свистом,
Как-нибудь живи — на гребне иль под волной.
Ни души вокруг, лишь море в рассвете мгlistом.
Лишь оно вернёт тебя за черту — домой.

Письмо другу

Дорогой, уважаемый, близкий, родной,
Мой единственный друг, Фридрих Ницше!
Ты избавил меня от тоски ледяной.
Сообщаю подробности ниже.

Сколько лет я терпел! Как я много страдал!
И страдая ходил на работу —
Я грузил и возил, и рубил, и строгал
До седьмого, десятого поту.

Стал и груб, и сутул, и похож на коня.
Не спасает от хворей аптека.
А подруга моя обманула меня
С оправдомом от нашего ЖЭКа.

Не убил их тогда. Хоть в гробу и видал.
Лишь вертел водосточной трубою.
Я над книгой твоей, как ребёнок, рыдал
И над собственной рабской судьбою.

Подчиняясь другим, ничего я не смог —
Не скопил, не обрёл — доконали!
Милый друг, мне сегодня твой голос и слог —
Утешение в горьком финале.

Я помойные баки пинаю ногой.
Я не конь ломовой, не собака!
Понял я, что хочу быть как ты, дорогой,
Вылезая на солнце из бака!

Но воспрянувшей воле своей вопреки
Хоть немного побуду в смиренье:
К Иоанну пойду посидеть у реки,
Прочитать ему стихотворенье.

* * *

А что ему делать? Судьба-то кривая.
Насколько кривая её кривизна,
Он только что понял и выпал из мая,
Не слыша, как громом грохочет весна.

Его истязали, потом целовали,
Кружными путями водили в приют,
Как дозу лекарства любви выдавали.
Он болен опять — а уже не дают.

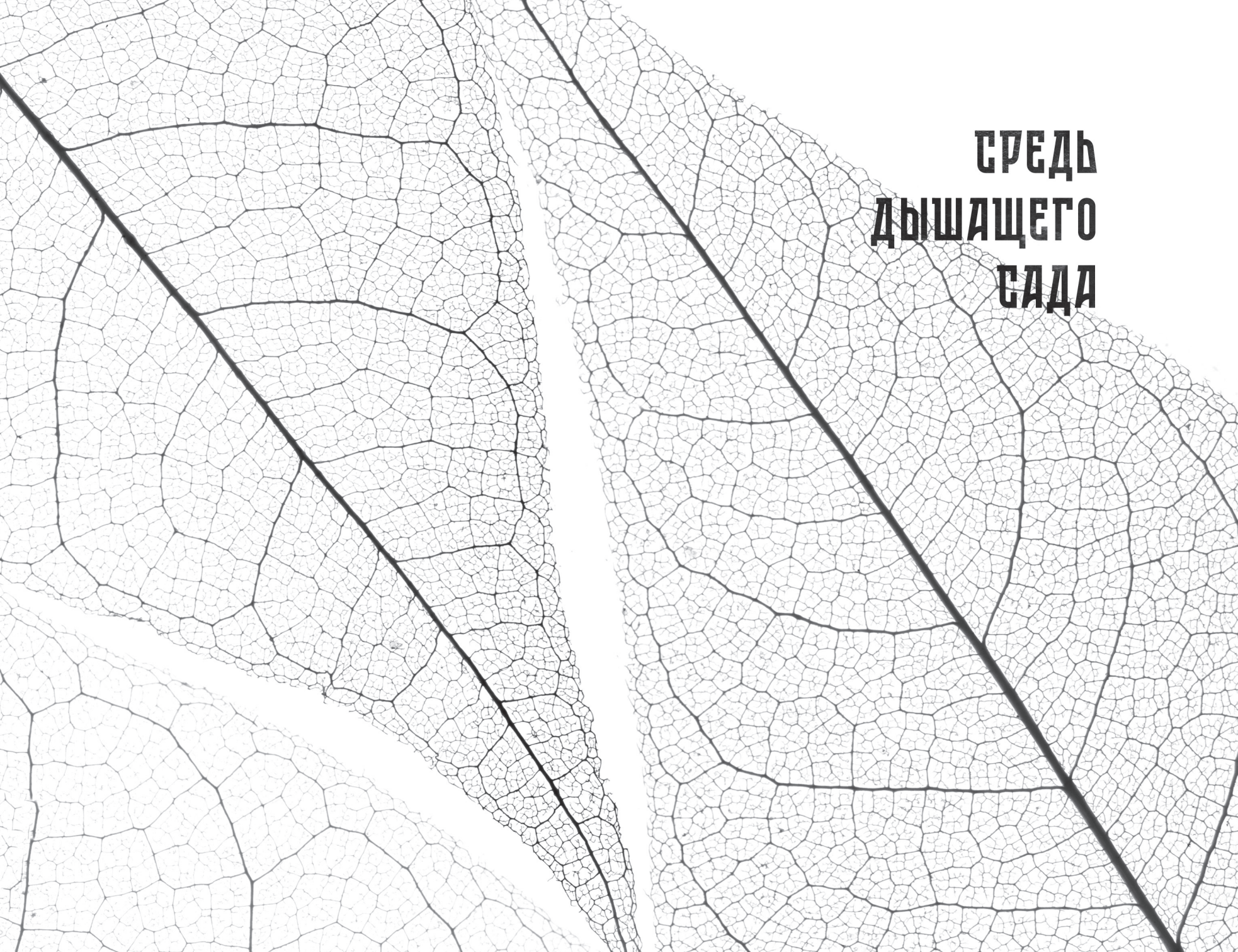
Он понял, где именно перекосило,
В который момент понесло стороной.
Но жизнь пролетела. А смерть не просила
До срока за нею в её перегной.

* * *

Весна должна греметь, бокалами сверкая,
Переливаясь так, чтоб захватило дух!
За что же это мне расплющица такая,
Где птица не поёт и не растёт лопух?

Воскресну ли ещё средь дышащего сада,
Иль в шуме городском, влезая в свой трамвай,
Невольно прокричу: «О, жизнь, тебя мне надо
Так много, чтобы ты плескалась через край!»?

Неужто надо мной раскинут птицы крылья?
Неужто в темноте души не удержать?
Последний человек из глубины бессилья
Пытается дышать, пытается бежать.

A high-contrast, black and white close-up photograph of two overlapping leaf skeletons. The intricate network of veins is clearly visible, creating a complex, organic pattern. The leaves are positioned diagonally, with one leaf partially overlapping the other, creating a sense of depth and texture.

**СРЕДЬ
ДЫШАЩЕГО
САДА**

* * *

Плётка теплицы шуршит на ветру,
Где-то стучит о другую доска,
Воздух поёт, проникая в дыру,
Пёс завывает, как чья-то тоска.

Двери скрипят, трепыханье в сенях...
Мир непрерывно тебе говорит:
Вот он я, здесь — наяву, не во снах,
Жуткий и чуткий, бесстыж и открыт.

Дом деревянный. Уютный ночлег.
Шорохи влиты в твоё естество.
Если б внезапно вошёл человек —
Было бы это страшнее всего.

* * *

Я пела песни на пруду,
Пленяя звуками округу.
Бросала селезню еду,
И мы понравились друг другу.
Поклонник песенкам внимал,
То засыпал, качаясь плавно.
Ведь точно ноты понимал,
А интонации подавно.
Он уткам головы кружил,
Надолго пропадая с ними.
Теперь же перья распушил
Перед мотивами моими.
Я бормотала, одичав
Среди воды, кустов и ряски,
Пока сорока, закричав,
Не перебила нашей сказки.

* * *

Круги по небу нарезает
Журавль в прозрачной глубине.
А лапки с тела повисают,
Они видны подробно мне.

Спружинив, мягко приземлится.
Трепещет крыльями вразлёт.
Какая статья! Какая птица
Стоит на поле и клюёт!

И вновь полёт! Накатит нега...
Близка ль крылатому земля?
Мне чудится, что можно с неба
Достать за лапы журавля!

* * *

Мне хочется выпасть в далёкое детство,
И даже не в детство, а просто упасть
На чистое тёплое ровное место,
Но только не в зрелости страшную пасть.

Я помню, как бабушка вслух говорила
Стихами о птицах на собственный лад.
Сорока-воровка мне кашу варила,
Пока не открылся казённый детсад.

И вновь изначальную радость являют
Поющие птицы, и жизнь хороша.
И небо сияет, и время петляет,
И бабушки рядом летает душа.

Бабинское утро

Стоят две женщины в зелёном,
В руках пакеты, кутули,
В апреле, солнцем утеплённом,
Но всё ж холодном от земли.

В посёлке утро. Ходят кошки.
За рвом качается камыш.
Шуршат коротенькие ножки —
Ежи в траве пугают мышь.

А мать-и-мачеха сияет:
Я раньше, раньше, раньше всех!
Меня весна благословляет,
А вы в плену своих утех,

Живёте счастьем утомлённым,
Снега сгребаете во рвы.
Стоят две женщины в зелёном
На фоне будущей листвы.

Нам не очнуться раньше срока,
Ремонт не кончится опять:
Присела птица (звать сорока),
Чтоб нашу кровлю ощипать!

Кедр

В природе совершаются подвижки,
И сразу сочиняется куплет —
На нашем кедре появились шишки
Досрочно — через три десятка лет!

Давно лелеял ты мечту о кедрах
И множество орешков прорастил.
Один лишь выжил, вытянулся в метрах
И к небу ветки мягкие пустил.

Ты стал похож на радостного панка,
Который день — с довольною душой.
С утра устроил радугу из шланга.
Ты сам, как шишка, крепкий и большой!

* * *

Кошачий след на целине...
Куда животное бежало?!
Мы встали в снежной пелене,
Встречая утро как начало,

Ведь на неделе — первый день,
Должна работа завертеться.
Рубашку чистую надень,
Таблетку не забудь для сердца!

Из понедельника в четверг
Идёшь, и пятница маячит.
Живёт грядущим человек,
А в настоящем часто плачет.

Как эта кошечка бы жить,
Что враз найдёт еды и кровя!
В одно *сегодня* жизнь вложить —
Так учит Бог. А завтра — снова.

Ивы

Мне ивы не нужны — они заполнили
Участок дачный мой. Устали выдирать.
Но рвётся из земли среди весенней гнили
Побегов молодых непрошенная рать.

Они исподтишка выходят в наступленье
На благородный сад — их ивовая суть.
Их ивовая мать — упрямое явление,
Везде своих детей желает пропихнуть.

И дождались — пишу о них стихотворенье!
Лопату заострив, я думаю о том:
Под вишней бы сидеть, под ветками сирени,
А не закончить жизнь под ивовым кустом.

Люблю я поглощать сочащиеся сливы,
И ягоды с куста — мне лучшая еда.
Не мучайте меня, назойливые ивы!
В канаве за углом вкусней течёт вода.

Там ваша вся родня столпилась у канавы,
Образовался ив довольный дружный ряд.
Не лезут никуда, скромны и величавы.
Они не то что вы — застенчивы стоят.

Люблю, я говорю, сочащиеся сливы
И яблоки вкушать хочу сильнее всего.
Не мучайте меня, назойливые ивы!
Ползите за забор с участка моего!

* * *

Неуловима августа кончина —
Не во дворе она, а в голове.
Звонит сосед — подвыпивший мужчина,
Что любит голым бегать по траве.

Я неумело дядю отшиваю,
Он вечно пьян, и нам не по пути.
Стекает струйка августа живая,
Как тонкий голосок: прощай — прости.

Ещё спешит к любовнице любовник,
Рабочие таскают кирпичи.
А у меня склевали весь крыжовник
Прощально налетевшие грачи.

От нас уходит лето поминутно,
Сыреет свежесрубленная гать.
Соседу скоро станет неудобно
На грязь и холод голым выбегать.

* * *

В декабре такое время грустное.
Дождь и тот не хочет моросить.
Всё на грядках замерзает вкусное,
Нечем человеку закусить.

Зябнут лапы, наш залаял выкормыш —
На кусте запутал поводок.
Если ты за ним из дома выпрыгнешь —
В темноте споткнёшься о порог.

Прорубили лунку — там лягушечки,
Два больших жука и прочья шашть.
Пережить им зиму — не игрушечки.
Все приплыли воздухом дышать.

Сколько же у нас таится фауны!
Лезут раки, жаб опередив...
Вот пойдёшь воды набрать для сауны —
А в ведёрке целый коллектив!

Пень

*Памяти моей мамы
Нины Литвинцевой*

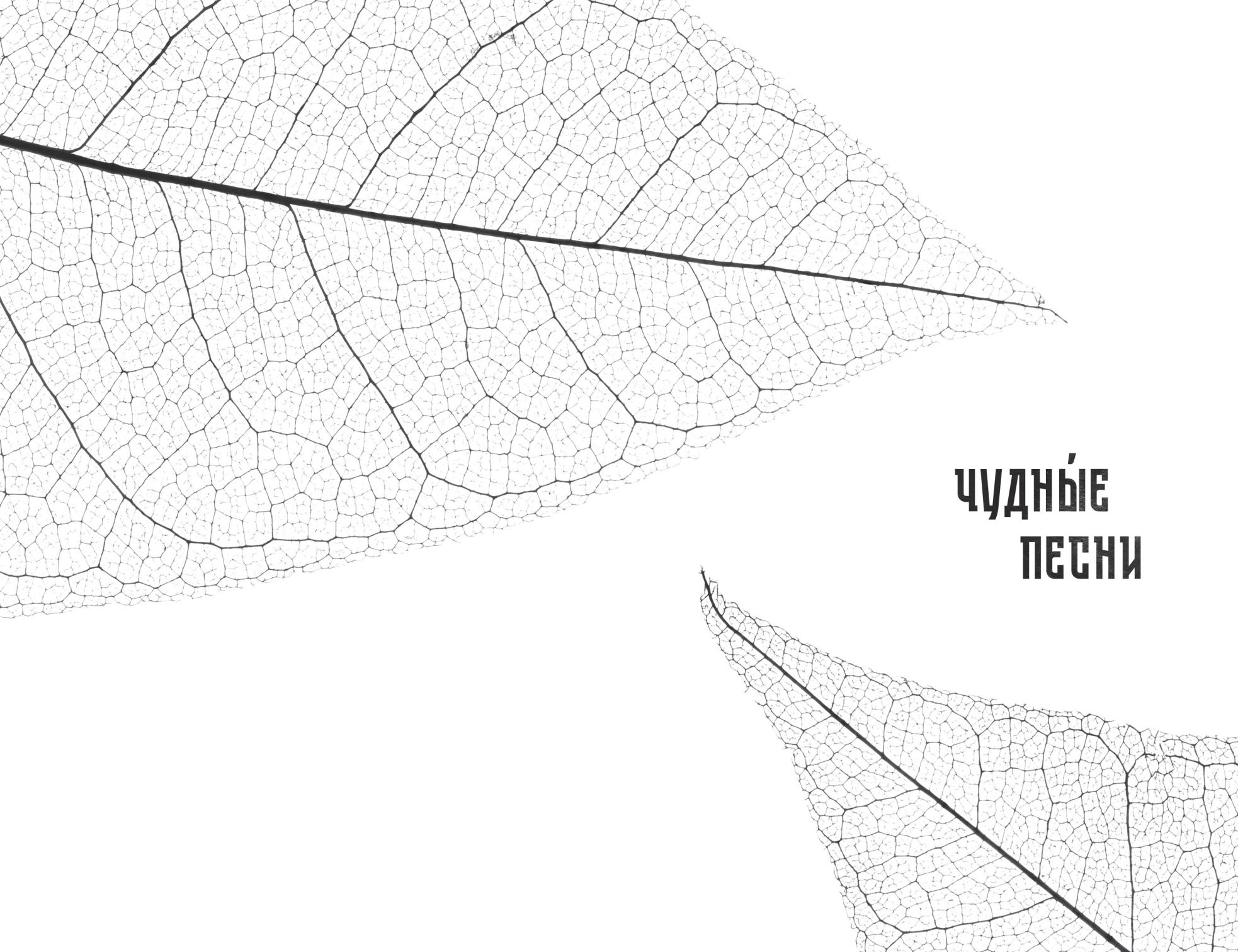
Ах, мамочка, в дачный январский денёк
Мы в шутку пошли по грибы.
С тобою у леса нашли мы пенёк —
Не пень, а подарок судьбы.

Он был словно дряхлый усталый старик,
Уныл и бесплоден давно.
Но солнечный луч в его тело проник,
Сказал: просыпайся, бревно!

Нежданная оттепель — вот тебе крест! —
Повергла окрестности в шок.
Пенёк разогрелся, размялся, воскрес
И выдал подарков мешок.

Покрылся он сверху до самых корней
Горою отменных опят.
Мы их собирали с мамулей моей
Для нас и для наших ребят.

Наверное, жизнь продлевали они.
Ушла ты другою зимой.
Теперь я смотрю на попутные пни —
И радость, и память со мной.

ЧУДНЫ́Е ПЕСНИ

Нету попугаев!

Минус три на заре,
Выхлопами пахнет.
И у нас на дворе
Даже черепах нет.

Ходит дед в гастроном,
Хлещет спирт этилов.
И у нас за окном
Нету крокодилов.

Хоть кричи, хоть зови,
Рыскай вдоль сараев...
Нет весны, нет любви,
Нету попугаев!

* * *

Люблю я своего врача
Любовью бесконечной.
И если даст он стрекача,
Я догоню по встречной!

Мой врач — мой друг, он как родной.
Боюсь, беда случится —
Ведь он и сам-то весь больной
На службу волочится.

Я угасала, как свеча,
Точнее, поэтапно,
Но от лучистых глаз врача
Поправилась внезапно!

Микробов много и зараз
Летает по округе.
Для новой встречи каждый раз
Ищу в себе недуги.

Ко мне-то он давно привык,
Хотя, увы, не слышит.
Немного высунув язык,
Всё пишет, пишет, пишет.

Он пишет столько лет мою
Историю болезни,
Пока я втихаря пою
Свои чудные песни.

Когда б случайным кирпичом
Его судьба задела,
Тогда я стать ему врачом
Сама бы захотела!

* * *

Загадочный сентябрь в окошко посмотрел,
Обдал меня дождём и бледно-жёлтым светом.
Загадочный сентябрь судьбу мою прозрел,
Но мне не рассказал, как жить на свете этом.

И вот я с Богом врозь, с природою не в стык,
Живу в своём доме побитым зверем диким.
Надежда иногда покажет мне язык,
А вера повлечёт спасением великим.

Любовь не говорит, глотает девясил.
Она жива, но нет ни прыти, ни стремлений.
Мы с ней прошли сто миль и выбились из сил,
Не можем написать о нас стихотворений.

Загадочный сентябрь ветрами мир обдул,
Дождями мир обмыл, в окне окрасил яшень.
Загадкою своей зовёт меня в разгул,
Да ноги не идут, и небосвод неясен.

А может, мне Господь давно грехи простил
И злобная молва утихла за спиною.
Я жду, когда Любовь допьёт свой девясил,
И, кашлять перестав, пойдёт гулять со мною!

* * *

Какие куртки разноцветные
Для богача и бедняка!
Мы, люди, прежде незаметные,
Теперь видны наверняка.

В нелепом виде ходят девушки,
С неоном даже на шнурках.
В домах-колясках едут детушки
С цветными троллями в руках.

На бабке шуба васильковая,
Ещё скажи: не по годам!
Она звезда — звезда сверхновая,
Невероятная мадам.

Пусть твой костюм странней экзотики,
А шопинг всё-таки хорош —
Купив рюкзак, штаны и ботики,
Ты добровольно не умрёшь!

А коль и средь любимых тряпочек
Судьба на муки обречёт,
То выбор модных белых тапочек
Тебя хотя бы развлечёт.

* * *

Однажды, в час заката иль рассвета,
Был Петербург загадочен и тих.
На дереве сидели два поэта
И на двоих один писали стих.

Один из сумки вытащил бананы,
Другой в блокноте ручкой скрежетал.
«Учёные сбежали обезьяны!» —
Подняв глаза, прохожий прошептал.

На «Горьковской», левее зоопарка,
Друзья щипали лирику за ус.
Вершилась жизнь так искренно, так ярко!
Банановый судьба имела вкус.

В тот день менты повынесли скамейки —
Ведь на скамейках пьянство и разврат,
Бандиты, прохиндеи, прохиндейки
Опасное, нечистое творят.

На дереве же очень много листьев,
И сучья ловко так искривлены...
Мне помнится, был жив ещё Влад Листьев.
А многие бежали из страны.

«Вот-вот начнётся...» — думали с испугу.
Шли танки. Где-то вспыхнул керосин.
Мы подарили стих на свадьбу другу...
Уже студент его подросший сын.

* * *

Мальчик мой, ну отчего ж
Ты всё время одинокий?
И всё время орков бьёшь
В помощь рати мохноногой!

Снова с геймерами в бой,
Снова к замку Саурана.
И летает над тобой
Электронная ворона.

Виртуальный гражданин —
Сердце прячется живое
Средь некошенных равнин
С нарисованной травой.

Развевался вражий стяг.
Стили в кухне макароны.
Ты и сам не понял, как
Взяли жизнь твою драконы!

* * *

Кто любит Моцарта, хороший человек,
Кто любит Вагнера, наверное, плохой.

Поэт — плохая пифия.

А. Кушнер

Зима настала, над землёй летает снег,
Пушок искристый шелестит над головой.
Кто любит Кушнера — хороший человек,
Кто любит Пурина — уж больно деловой!

Кто любит Лейкина — смельчак и хохотун,
А кто Машевского — тот «горе от ума».
И каждый, стало быть, из них медведь-шатун,
Не понимающий, что грянула зима.

Плохая пифия — но, может быть, и нет.
Простая пифия, которых легион.
Морозный воздух их дыханием согрет,
Лежит на блюдечке нарезанный лимон.

Висят над чаем ароматные пары,
Слова бессвязные роятся в рукаве.
Кассандры, пифии гуляют до поры,
Пока сосулькою не даст по голове.

А над землёю бесконечно валит снег,
Всё так же падают прохожие на лёд.
Кто любит жизнь — тот настоящий человек,
А кто не любит — вряд ли что-нибудь поймёт.

* * *

Порой тяжёлый карп плеснёт у тростников...

А. Фет

А мне навеял Фет купить большого карпа,
Запечь его, подать любимым на обед.
Стояла б на столе моём ещё и граппа!
Но нынче я не пью — на то здоровья нет.

Лишь весело душе от фетовского сказа.
Он таинством земным смутил — и был таков.
А в голове моей сверкает эта фраза:
«Порой тяжёлый карп плеснёт у тростников...»

Голова

1

Обнимать, целовать эту голову хочется!
Сколько чуда таится в одной голове!
Не приснится такое, как ей напроорочится,
Ни главе государства, ни старой сове.

Лабиринты научно-технической логики
Ум за разум заводят, лишь небу молись,
Чтоб мечты, перейдя в единицы и нолики,
Возвращались на место, откуда взялись.

Голова-то снаружи огромной не кажется,
Но по правде она велика-велика!
В ней ушедшая нежность с грядущей повяжется.
В ней течёт и бурлит вековая река.

Что ни год, что ни день в ней такое случается,
Что вот-вот улетит, потеряв организм.
Вы уверены в том, что открытья кончаются,
Господа, объявившие постмодернизм?

2

Что-то голову стало трудно носить на плечах.
Открутить бы её и в сторону отложить.
Не задумываясь ни о звёздах, ни о борщах,
Хоть немного без головы пожить.

Так намного легче, чем килограмм-другой
Сбросить с тела, в спортивном зале с лихвой трудясь.
Посидеть на кухне, покачивая ногой,
Со своей непростой судьбою утратив связь.

И тогда бы стал бессмысленным алкоголь,
Если можно эдак запросто отдохнуть,
Опуская тумблер из единицы в ноль,
Фантастическим стать объектом, расправить грудь.

На газетку поставить голову на столе,
Хорошо бы улучшить память, настроить слух,
Пробежаться влажным веничком по золе,
Выметая клетки, в коих огонь потух.

Голова устала, с нею случился крен —
Вообще не знаю, о чём бормочу стишок.
Сколько ходит тех, у кого головы взамен
Мясорубка, телек, плеер, пустой горшок.

* * *

По снегу, по липкому снегу
Иду на работу свою
И чувствую странную негу,
В родную ступив колею.

Меня ещё даже не взяли
На эту работу, но я
Гадаю — свершится судьба ли
И будет работа моя?

Проносятся автомобили,
Автобусы вязнут в грязи...
Ах, если б меня полюбили,
Когда б рассмотрели вблизи.

Земля уже заледенела,
Пока я иду и пою.
Возьмите, начальник отдела,
Меня на работу мою!

* * *

Плывёт, плывёт торпеда,
Вонзается во мрак.
Идёт корабль соседа,
А он заклятый враг.

Но мы уже успели
Пробить ему бока,
И вовремя от цели
Уйдём наверняка.

Воды и пены вынос
Подлодку выдаёт.
Так, чтоб не засекли нас,
Скорей нырнём под лёд.

У штурмана борода
Сверкает сединой.
Висит, висит подлодка
В пучине ледяной.

* * *

Осень.
По небу летят располневшие гуси.
Вечная осень, скажи, это стихи или проза?
Брошенный жёлудь порою становится дубом.
Можно добавить в пельмени чесночного перца.
Батюшка наш очумел...
Хочешь —
Я сделаю чудо:
Выращу лыжные палки из семечек хрена?
Странная область,
Где хочется быть постоянно, —
Вечный туман,
Сквозь который видны обелиски нынешним нам.
Навоздвигали...
И грустно, и горько, и стыдно,
Хоть и смешно.
В сосновой оправе от лишних вопросов хочешь уплыть.
Но в бурьямглою пору закрыты причалы.
Небокроёт стал теперь президентом —
Странников без слуховых аппаратов,
Семечек хрена в пророщенном виде,
Без желудей в незашитых карманах,
Даже без рифмы в рецептах пельменей не пропускает
в бурьямглое море.
Что ты сделал за все эти годы,
Чтоб тебя уложили красиво,
Упаковку покрыли лаком,
Чтоб так нагло в сосновой оправе от нас уплыть?

Памятник твой перевёрнут.
Ухо отбили вандалы,
Краской написано:
«Он не любил анжамбманы».
В сумерках гопники знают последнюю правду.
Странная область. Вечная осень.
Снежные вихри автору снятся.
Только хреновые лыжные палки невозмутимо растут.

* * *

Над болотом стало тихо,
Даже выпь едва слышна.
Не будите, люди, лихо,
Пусть пребудет тишина.

Дремлют хитрые лисицы,
Злые волки тоже спят.
Кто их знает, что им снится
Кроме краденых цыплят.

В тишине бывает чудо,
Даже множество чудес.
Но не знаю, врать не буду,
Что устроит этот лес.

Бац! В ночи проснулось лихо!
Странно, кто его будил.
Началась неразбериха,
Чёрт по воздуху ходил.

Но потом его поймали,
В лисью нору упекли,
Запихали, затолкали
И подсыпали земли.

Ведьмы старые примчали —
Не спалось от бабьих грёз.
И плясали, и кричали,
И сломали пять берёз.

Пушкин мимо шёл с пирушки,
Вслух читая новый стих...
Улетели прочь старушки,
Потрясённый лес затих.

* * *

Холмы, холмы да перелески...
Идёшь с бревном наперевес.
Повсюду сказочные трески,
Их полон лес, их полон лес.

То обитатели ночные
Снуют, чужую жизнь поправ.
Когда-то были как ручные,
Но обрели суровый нрав.

Их лик как будто настоящий,
Они как странники в ночи.
Увидев глаз, в тебя глядящий, —
Беги, спасайся и молчи.

Они в пути не ищут брода,
А на болотах ищут корм,
Ты тварь для них иного рода —
Ни птичьих, ни звериных форм.

Тебя никто тут не отыщет,
Как будто начисто исчез.
Здесь чудища ночные рыщут,
Их полон лес, их полон лес.

Болотный рэп

Мне гудят на нужной ноте все окрестные ЛЭП,
Ведь сегодня я решила написать рэп.
Мы гуляем по болоту, слышим издали выпь,
А в лесу между деревьев много каменных глыб.
Эта разная природа — наша Родина-мать.
Оператор жмётся с краю, будет виды снимать.

Мужики сидят в посёлке, окосевшие в ноль.
Запах леса много лучше, чем алкоголь.
Кислород вставляет больше, чем никотин.
Кроме воздуха свободы, ничего не хотим!

Политические дядьки делят деньги страны,
Но Джим Моррисон заметил: «Люди странны».
Мы и сами не такие, как обычный народ.
Мы гуляем по болоту — наша страсть не умрёт.
Коль ступать неосторожно, то послышится бульк.
На болоте был построен город Санкт-Петербург.

Мы, похожие на выпей, огибаем холмы.
Хоть пол-литра залпом выпей, но не станешь как мы.
Пусть гудят на этой ноте все окрестные ЛЭП,
Ведь сегодня на болоте рэп, рэп, рэп, рэп!
Всё шагаем и шагаем, подминая мох,
Это йога, а не песня — выдох, вдох!

Вот осталась позади непроходимая зыбь.
Красота — последним кадром пробегает выпь.

ДИБУНЫ

* * *

Мне больше не к чему стремиться,
Со мною всё произошло.
Мне только стоило решиться
Поехать в ближнее село,
Точней, посёлок под названьем —
Вы догадались — Дибуну,
И там, сливаясь с мирозданием,
Напиться снежной белизны.
Зажглись, взрезвились, словно кони,
Частицы светлой ерунды,
Что в нас живут, как дух в иконе,
Оберегая от беды.
Но ерунда такого рода
Есть безоплатный Божий дар.
Горят глаза. Дрожит природа.
Язык огня и звёздный пар
Навек останутся, как видно,
В тебе, как воздух и вода.
Лишь трудоголику обидно,
Что счастье вышло без труда.

* * *

Когда в усталости кромешной
Ты глух становишься и пуст,
Когда лохматый, дивный, снежный
В пути не замечаешь куст,
Когда мечты твои больны, —
Пора приехать в Дибуну!

Когда твой ум до капли выжат,
А в клетках зреет волшебство,
Когда восторгом сердце дышит,
Но не рождает ничего,
Один исход из грёз и снов —
Пройти тропой Дибуну!

Мой друг, тебе любая фраза
Из песен Визбора близка.
Ты крючья бил в горах Кавказа,
Держал руками облака,
На диких скалах брал карниз
И по реке сплавлялся вниз.

Твоя Карелия клубилась,
Плескался лещ, шумел прибой.
Но муза в небо удалилась,
Надолго стихла над тобой
В краю могучих валунов.
...И вдруг пришла из Дибуну!

Она пришла и закричала:
«Ну здравствуй, милый, я жива!» —
Я начинаю жить сначала,
Слова, как вешняя трава,
Растут не в прежних временах,
А в странно близких Дибунах!

Деревьев лёгкое дыханье,
Далёкий запах рельсов, шпал.
Когда зажжётся осознание:
Ты есть! Ты понял! Ты попал!
Шепнёт тебе природа-мать:
«Не стоит много понимать!»

Люби мои земные вены,
Иди пешком, пускайся вплавь,
И Дибуну благословенны
Своею лирою восславь,
Где ты не раз дивился сам
Открытым заново глазам.

* * *

Кровать. Будильник. Голосок
кошачий за стеной.
Метро. Работа. Марш-бросок —
и ты уже иной.

Уже под мышкою бревно,
глаза — как две луны.
Ах, как давно ты, как давно
не ездил в Дибуну!

Невероятно даже то,
что ты сегодня тут.
Исчез твой город-шапито
за несколько минут.

Как удивляет время нас!
В чудной заводит сад.
То украдёт какой-то час,
то вдруг вернёт назад.

В пространстве тоже много дыр.
Без цели в них залезть
то попадаешь в странный мир,
то всё опять как есть.

Когда на трассе ни одной
машины, хоть кричи,
вдруг воплотится транспорт твой
из воздуха в ночи.

И ты помчишься — херувим,
сгустившийся чудак.
И будешь думать, что с одним
тобой бывает так.

* * *

Выйдешь в мир из офисной кабины,
Сядешь в поезд, за город спеша:
В Дибунах кругом лежат дубины!
У тебя счастливая душа!

А когда дубин довольно много,
То не грех какие-то поджечь.
Отступают день, тоска, тревога,
Возникает правильная речь.

Или просто тихо созерцаешь
Свой костёр, что с каждым мигом нов,
И прогретый воздух осязаешь.
Гаснет в небе отсвет Дибунов.

Выйдешь к остановке полуночной,
За тобою следом лунный блин
Поплывёт до станции Песочной
Из пространства тлеющих дубин.

* * *

И было всюду торжество,
И сын мой в этот день подстригся,
И сердце пело от того,
Что мир нашёл бозоны Хиггса.
Но рассказали мне на днях,
Что эти самые бозоны
Давно водились в Дибунах
Чуть сбоку от болотной зоны.
Давным-давно уж их поймал
В свой окуляр волшебник местный.
Он мох болотный отжимал
И получил настой чудесный,
Как вдруг бозоны понеслись,
За ними кварки и нейтрино
Во все пределы, вниз и ввысь,
Заряда разного и спина.
Да... В Дибунах полно чудес!
Мы тут с тобой теряем массу,
Когда вприпрыжку через лес
Бежим к автобусу на трассу.
Тут гравитация в тиши
Слабеет, небо отступает.
И что там до твоей души,
Коль тут и гусь бодрей взлетает!

* * *

Что тебя, мой друг, одолевает?
Что за туча, чёрная волна?!
В Дибунах такого не бывает!
В Дибунах цветущая весна!

Сердцу твоему нужна защита?
Крах любовный мучает во снах?
Рана в Дибунах была б зашита,
Был бы шов разглажен в Дибунах.

Мир охвачен вечною борьбою.
Что с народом станется ужо?!
В Дибунах пространство над тобою
Постоянно чисто и свежо.

Молока от бешеной коровы
Ты всосал и падаешь с моста...
В Дибунах все головы здоровы
И другие важные места.

Даже если вдруг подводит печень,
Хочешь выпить, а тебе нельзя —
В Дибунах ты счастьем обеспечен,
Выпьют за тебя твои друзья!

Ты поёшь печальные мотивы,
От потерь твоих сердечный сбой...
Только в Дибунах все люди живы,
Молоды и счастливы собой.

Ты сидишь над виршами часами,
Но впустую извлекаешь звук...
В Дибунах стихи приходят сами,
Никаких не требуется мук.

Если смертный ужас накрывает,
Повторяй в жару и в холода:
В Дибунах такого не бывает!
В Дибунах? Такое?
Никогда!

* * *

Не монументы, не чертоги,
Не храмы муз возведены.
По обе стороны дороги
В тумане ночи — Дибуну!

А рядом лес. Нырнёшь поглубже,
И воздух полностью иной.
Нога по щиколотку в луже
Ничто пред влажной тишиной.

И в чёткий образ не облечь то,
Что ощущаем ты и я:
Дибунское сырое Нечто,
Полночный сгусток бытия.

Артисты

Бродя по лесу в размышленье,
Как завершить прелестный день,
Зажгли костёр на возвышенье —
Там был огромный старый пенёк.

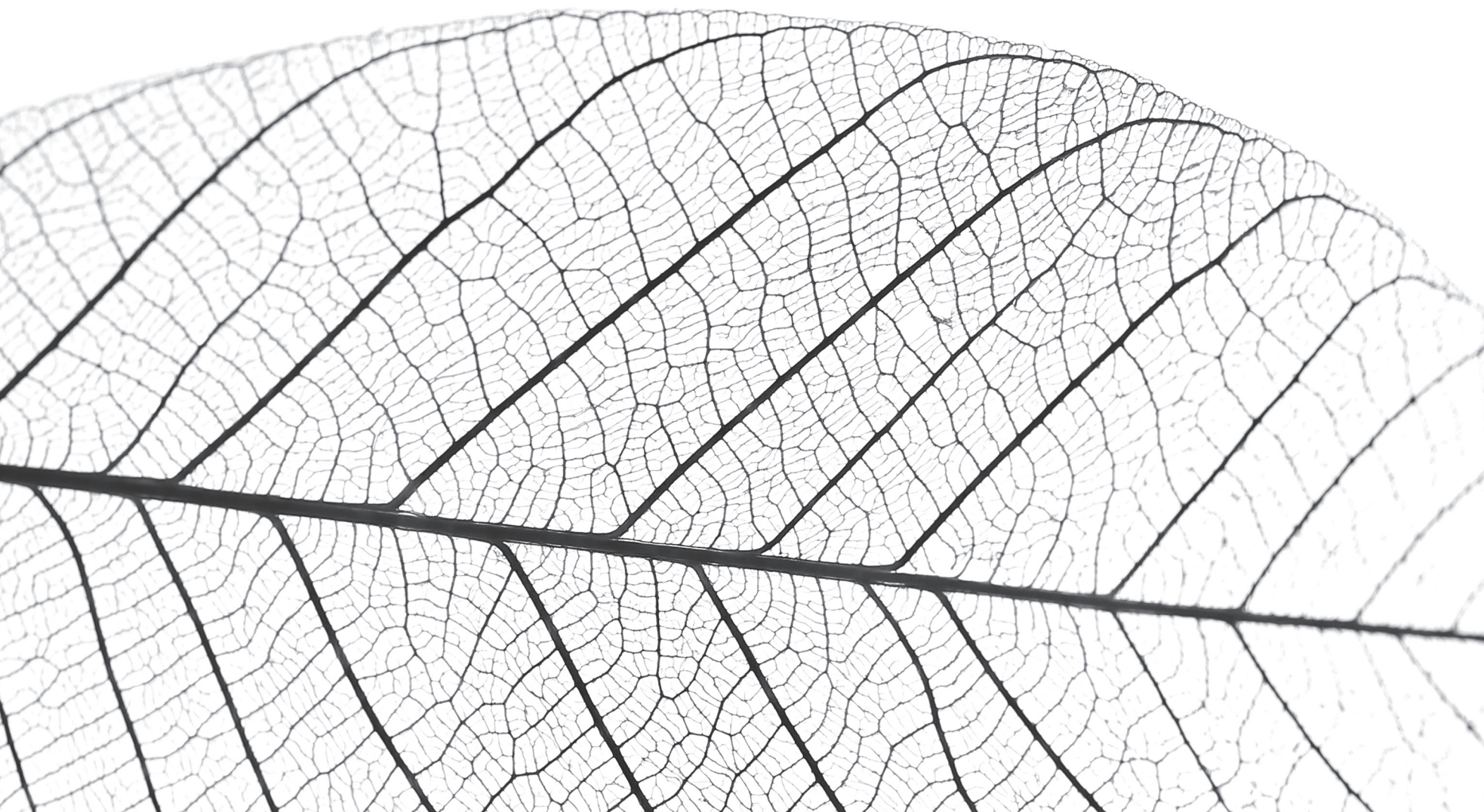
Как языки огня плясали,
Поляны освещая круг!
Большие ели потрясали
Всей тяжестью мохнатых рук.

Вовсю зима, но жар надменный
В пространство трепетное тёк.
Мы радость чуяли Вселенной
И настоящей жизни ток.

Мы стали петь тихонько хором
И, улыбаясь, танцевать.
А небо бледно-лунным взором
Нам посылало благодать.

Легли частицы снежной пыли
На куртки, шапки и штаны.
У Бога мы на сцене были!
А перед нами — Дибуну!

**Я ВОЗВРАЩАЮСЬ
К СЕБЕ**

* * *

Часто хочешь себя испытать —
Вольной жизнью пожить, удалюю.
Только сор из души выметать
Лучше самую крепкой метлою.

Ведь прикатишь опять по кривой,
Ужаснувший и чёрта, и Бога,
В дом, где кто-то, воистину твой,
Ожидает тебя у порога.

Слава богу, что чай на столе
И любимые тапки у двери.
Слава богу, не все на земле
Понесли несмешные потери.

Слава богу, что юность прошла,
Слава богу, что молодость тоже.
Слава богу, что божья метла
Мне оставила то, что дороже.

* * *

Я хочу попросить прощения
У тебя, мой любимый друг,
За моё во грехах вращение,
Попаданье в порочный круг,

Где ни смысла, ни оправдания
Никогда уже не найдёшь —
Я как будто взрывала здания,
И плясал на руинах дождь.

Что сумела, потом отстроила,
Чтобы жить мы могли опять.
Черти шепчут мне: рушить стоило,
Отрываться, играть, менять,

Беспризорницей быть, бродяжкою,
От свободы своей пьянеть.
А свобода-то — чувство тяжкое —
Вспыхнув раз, угольком истлеть.

Но не вечно во мгле скитание —
Бог отдал меня вновь тебе.
Вот такое предначертание
На моей, на твоей судьбе.

* * *

Я возвращаюсь туда, где весна,
Солнце, и ветер, и хмарь.
Яркое утро. Смутны времена.
Криво висит календарь...

Там, на просторах той жизни, была
Юная светлая муть,
Где перед кознями нежного зла
Ни устоять, ни уснуть.

Что-то случилось — о том не пиши,
Не поминай никогда.
Я возвращаюсь туда, где души
И не касалась беда.

Солнце играло на каждой трубе.
Спелись навек А и Б.
Чтобы, любимый, вернуться к тебе,
Я возвращаюсь к себе.

* * *

Ты далеко, в краю большой жары.
А я прилипла к питерскому фону.
Мы совмещаем разные миры,
Друг с другом говоря по телефону.

Сегодня август, осень на дворе.
Желтеют листья, ёрзает прохлада.
Ты прилетишь как будто на ковре,
По волшебству попав сюда из ада.

* * *

Рассвет и снег, и май — сумятица такая.
Лучи из-за домов возносятся, дрожа.
Синица на суку поёт, не умолкая,
Мы с ней на высоте шестого этажа.

Ещё недавно двор тонул в оттенках блёклых,
Но вот уже весна из почек тянет лист,
И столько солнц горит в автомобильных стёклах,
И тёмные очки надел мотоциклист,

По радио звенят игрою многострунной.
Пришла пора надеть красивое пальто.
Так хочется тебя любить любовью юной,
Стесняясь намекнуть неведомо на что.

Болтала поутру с Плещеевым и Фетом
Про этот самый май, и светлый, и чудной.
Я скоро, милый друг, приду к тебе с приветом,
А может быть, влечу, как ласточка с весной!

* * *

Я хочу тебе рассказать о том,
Как сияют мои снега,
Как простое счастье ловишь ртом,
Как на лыжах идёшь в бега.

Всё плохое где-то лежит вдали,
Всё тяжёлое позади.
Тишина небес, красота земли,
Да серебряные дожди,

Да на елях белые облака,
Да на соснах копна чудес.
Под тобою Лета — твоя река.
Берега подпирает лес.

А на самом деле карельский сон —
Не река, а озеро тут.
Старой финской церкви далёкий звон.
Рыбаки по снегу идут.

* * *

М10. А над ней таинственная мгла.
О сколько миражей — невольно тру глаза я...
Когда б другую жизнь избрать себе могла,
Вдоль Темзы пронестись, пространство разрезая...

С собою говорю, похоже, ни о чём.
Судьба какая есть. Иначе не могло быть.
Как в пять иль в девять лет гоняться за мячом,
Как белых ягод плоть ногами в детстве хлопать.

На трассе ты опять забудешься, но вдруг,
Как в жизни, новый кадр со старого экрана —
Скопление огней. Туманность «Петербург»,
Где любят нас любых и не ложатся рано.

* * *

Весь потаённый мир души
Через слова передаётся.
Жестокой съеденный судьбой,
Мне говорит поэт: пиши,
Как людям нынешним живётся,
Как раньше ль купол голубой

Над вами открывает бездну,
Сместились звёзды далеко ль,
Авторитетны ль патриархи?
Я знал наверно, что исчезну,
Оставив музыку и боль.
Свои дворцы, берёзы, парки

Передаю тебе, сестра.
И то, что ты ещё расслышишь
В моих стихах, теперь твоё.
В небытии идёт игра —
Игра в слова, и через них лишь
Струится жизнь — лови её,

Волну печали и свободы.
Пиши. А вдруг смертей в обход
Польётся свет огней от ёлки —
Под Рождество замкнутся годы,
С твоими встанут в хоровод
Мои игрушечные волки!

* * *

1

Все мои страдания, кажется, далече.
Все мои печали временно во сне.
Наварю на утро ароматной гречи
С чесноком и маслом в старом казане.

Не звонит, не пишет мой поклонник ярый.
Ты меня, стихия, впредь не покоряй!
Мне в канун Крещенья хочется в солярий.
Говорили звёзды: в прорубь не ныряй!

Говорили много — были речи долги.
Кто их не послушал — превратился в пар.
Осыпались с ёлки новые иголки.
Удлинял денёчки наклонённый шар.

2

Кажется, сегодня я ушла в нирвану.
Я читала книгу о делах Его
И простой водою наполняла ванну,
Непреклонно веря в неба волшебство.

Ангелы спустились прямо мне навстречу
И пошли на кухню дружную гурьбой.
Убавляли пламя, пробовали гречу.
А вода из крана стала голубой.

* * *

В изначальной Вселенной у Бога-гения
Было много водорода и чуть меньше гелия
И ничтожно мало твёрдого вещества.
Но Галактика скручивала свои рукава.
И в том самом облаке, где теперь я и ты,
Образовалось столько внутренней теплоты,
Что зажглось протосолнце, отлетел на окраину газ.
Пылевые частицы смыкались и по кругу пускались
в пляс.
Примыкали другие, и огромные комья летали —
Прародители наших планет — планетезимали.

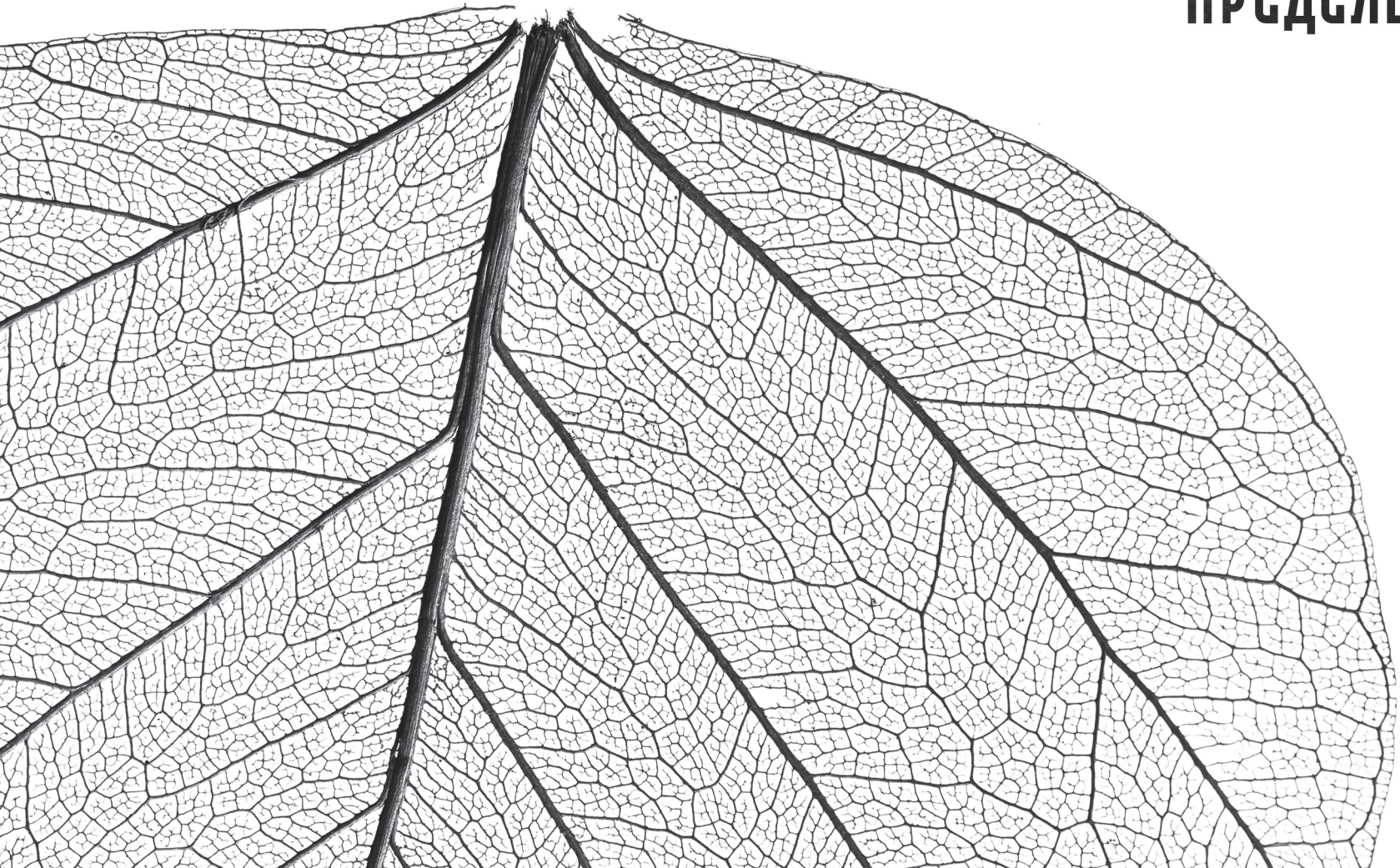
То пылинки, а то пушинки —
Мы остатки далёких звёзд.
Мы слипаемся, как снежинки,
Кто-то встык, а кто-то внахлест.

Постепенно планетезимали стали твёрдыми
протопланетами.
На одной из них мы живём, ходим сытыми и одетыми.
Так обыденны наши дела, лишь немного научных лиц
Затевают интимные игры элементарных частиц!
Нам достаточно знать, что автомобили, самолёты,
поезда, корабли —
Блеск ума человека, что родом из вод Земли.
Появилась жизнь, и тайна её велика.
Что ты плачешь, друг? Что жизнь твоя коротка?!

Кое-что о себе нам известно — от амёбы
до кроманьонца.
Мы влюбляемся, спим, рожаем. Хоть и знаем:
погаснет Солнце.

Видишь: вспыхнул протуберанец,
Слышишь пение редких птиц?
Мы танцуем последний танец,
Улетая в поток частиц.

**ПЕРЕИДЯ
ДУШЕВНЫЕ
ПРЕДЕЛЫ...**

* * *

Хорошо. Остался кусочек лета —
На балконе сижу в футболке,
Не июлем, так сентябрём согрета.
И кусты зелены, как ёлки.

И цветут ещё кое-где петунии,
Солнце ласково гладит стены,
Во дворе старушки сидят болтуни,
В ярких шортах бегут спортсмены.

Пролетит и время лихим атлетом.
Перед тем как затихнет сердце,
На закате дней, как сентябрьским летом,
Хорошо бы ещё погреться.

* * *

Чудесное утро осеннее.
В умытом трамвае свежо.
Четверг, даже не воскресенье,
А жить хорошо-хорошо.

Не надо придумывать сложности,
Не надо любить не того.
Такие повсюду возможности,
Что хочется крикнуть: «Ого!»

Как движется время талантливо
И нас размещает в себе.
И выберете вариант ли вы:
Глухому играть на трубе

Иль ползать по небу бескрылому —
Всё встанет само на места.
Обрадуйся солнышку милому,
Бреди от моста до моста.

Останься в сознании девственном,
Пока не погас окоём,
И мы в маринаде божественном,
Как пьяные вишни, плывём!

* * *

Без страдания стихи не даются.
Без страдания стихи — лопухи,
Над которыми звёзды смеются,
Провоцируя нас на грехи.

Я хочу, чтобы новая смута
Началась, но в итоге её
Стало чуточку легче кому-то
И взлетело бы сердце моё.

Чтоб любовь была многоэтажна
И дружили её этажи.
Я хочу, чтобы не было страшно
Никакое движение души!

Камыши

Всюду мрачно, и капает с крыш,
По обочинам Родины пусто.
Лишь поодаль растущий камыш
Вызывает приятное чувство.

Сколько видела я камышей
За свои необъятные годы!
Были травы до самых ушей
Воплощением детской свободы.

Были тайны, признанья, костры,
Наш приют обходящие тучи.
Чувства странные этой поры,
Словно запах болота, живучи.

Для любой ли доступно души
Ощущение то — неизвестно,
Но, как вижу в пути камыши,
Мне становится жить интересно.

* * *

Из ничего, из ничего
Рождаются стихи.
Как я люблю их волшебство,
Внезапные штрихи.

Из облаков, из облаков
Несутся голоса.
Сумей создать из пустяков
Леса, поля, глаза.

Вот тихо-тихо снег пошёл —
И это целый стих.
Ты что-то в небесах нашёл,
На полчаса притих.

Без неба ты — простолюдин,
Совсем не ясно кто.
Но ты попробуешь из льдин
Соорудить плато.

Там будет круглый ледничок —
Нездешний, в общем, вид.
Туда придёшь ты, простачок,
И солнце ослепит!

* * *

Врут весы, чтоб меня не расстраивать,
Их уже бесполезно настраивать.

Врёт мне зрение, к ночи неясное —
Ни морщин, ни седин, — что прекрасна я.

Врёт мне банк, что на счёте достаточно,
Мой наряд — что он стоит порядочно.

Врут волшебные сказки и повести,
Каждый день врут последние новости.

Посреди моего словоблудия
Врёт весна, что смолкают орудия.

Врёт душа, будто в счастье поныне я,
Нет бессилия, нету уныния.

Только дух мой, о мире молящийся.
Только хаос, внутри шевелящийся.

* * *

Молись, молись, пока жива,
О том, чтоб не случилось срыва,
Чтоб оставалась голова
Светла, бодра и терпелива.

Молись, молись за всех больных,
Молись за ближних и за дальних,
Затерянных в мирах иных,
Того, кто прегрешений тайных

Себе не может сам простить.
Моли, чтоб Бог простил за это.
Чтоб стих писать, бродить, входить
В почти открывшееся лето —

Оно о счастье возвестит,
Запустит в новое паренье —
Молись, молись, пока летит
Из уст твоих стихотворенье.

* * *

Тихое озеро, тихий камыш
Я представляю, когда не уснуть.
Гладь водомерка тревожит чуть-чуть,
Где-то шуршит деловитая мышь.

Древние скалы, поросшие мхом.
Сон или явь — а не всё ли равно?
Страшно в ночи и немного смешно —
Руку протянешь за моховиком.

Вижу то птиц я, то редких зверей.
Тропы кабаньи уходят в бурьян.
Простынь лежит меж сосновых полян,
Травы растут у подушки моей.

* * *

Снег падает тихонечко, тихонечко,
И ничего, что падает в апреле.
В углу висит старинная иконочка.
Мы в Бога, что ли, верим в самом деле?

С тобою мы тела материальные,
Но выйдя на балкон под утро, всё же
Увидишь ты явления астральные
И не захочешь, выкрикнешь: «О, Боже!»

Кто создал красоту невероятную
Из ярких звёзд и сказочных галактик,
Вселенную, такую необъятную?
Фантаст? Волшебник? Физик? Математик?

А тут снежок в апреле — чудо новое.
И живы мы, хранимы духом вышним.
Нам бытие, такое многословное,
Однажды станет космосом неслышным.

* * *

Все перейдя душевные пределы,
Становишься свободен и смешон.
Довольны волки, да и овцы целы.
Сидишь один, не лезешь на рожон.

С покойниками запросто болтаешь
И будто слышишь их язык живой.
В пучине Интернета заплутаешь,
Как бы уйдя под воду с головой.

Становишься неярким и неброским,
Не видимым друзьями и детьми.
Стихов твоих вчерашние наброски —
Неясный сон, мираж, туман в Перми.

Вот так людей врачуют песнопенья,
А время придаёт такую прыть:
Взамен гулянья в свой же день рожденья
Ты хочешь с Баратынским говорить.

* * *

Переживаешь за героя,
В твоей живущего душе.
А буря, мглою небо кроя,
Устала крыть его уже.

И заиграла, зазвездилась
Глазам доступная страна...
Но где герой, скажи на милость?
Ему Галактика видна.

Там звёзды пьют — вот ковш и кружка —
Восторг души и боль её.
Лишь поутру душа-старушка
Опять возьмётся за своё.

Содержание

Вместо предисловия	3
--------------------------	---

Немуза

«Ты говоришь, что Бога нет...»	7
«Нет-нет! Такого не бывает...»	8
Всё для тебя	9
«Проснёшься в полдень. Через два часа...»	10
«Вдруг сорваться из дома и стрелю — в метро...»	11
«За одну большую неприятность...»	12
«Мой новый знакомый с утра позвонил...»	13
Немуза	14
«Твои прикосновения лечили...»	15
«Ах, как бы я в метель вошла...»	16
«Я протру платочком твои усы...»	17
«Уехал друг, и жизнь моя закрылась...»	18
«Прошедшего времени как бы и нет...»	20
«На месте на пустом рождаются мечты...»	21

Белый шум

«Лягушек не трогай — смутятся верхи...»	25
«Я люблю Вас, и это похоже на белый шум...»	26
«Расползла в полях капуста...»	27
«Про пустяк, про песок в пятерне...»	28
«Какой-то бац, какой-то бум...»	29
«Снова стоя фиолетовых птиц...»	30
«Вот корюшка пошла от северных морей...»	31
«Посреди своего человеческого века...»	32

«Всё невозможное станет возможным...»	33
Сильверст	34
«Через день бывает худо...»	36
«Намазаться кофейной гущей...»	37
Депо Автово	38
«Однажды я искала хрен в тумане...»	39
«Сквозь невымытые стёкла в кривое окно...»	40
Вовочка	41
«Сегодня гололёд, а завтра будет слякоть...»	42
«Вдали сердечные дела...»	43

В журналах клиники неврозов...

«Душа открылась, чтоб закрыться...»	47
«Мне не придумать, как в двенадцать лет...»	48
«Юпитер светит между елей...»	49
«Мне камыш сказал, что любви там нет...»	50
«Вот сидит она одна на берегу...»	51
«Лечить депрессию шампанским...»	52
«Хорошо бы разом покрыться мхом...»	53
9 Мая	54
Весна	56
«Никакой причины... Как в полусне двояком...»	57
Письмо другу	58
«А что ему делать? Судьба-то кривая...»	60
«Весна должна греметь, бокалами сверкая...»	61

Средь дышащего сада

«Плётка теплицы шуршит на ветру...»	65
«Я пела песни на пруду...»	66
«Круги по небу нарезает...»	67
«Мне хочется выпасть в далёкое детство...»	68

Бабинское утро.....	69
Кедр.....	70
«Кошачий след на целине...».....	71
Ивы.....	72
«Неуловима августа кончина...».....	73
«В декабре такое время грустное...».....	74
Пень.....	75

Чудные песни

Нету попугаев!.....	79
«Люблю я своего врача...».....	80
«Загадочный сентябрь в окошко посмотрел...».....	82
«Какие куртки разноцветные...».....	83
«Однажды, в час заката иль рассвета...».....	84
«Мальчик мой, ну отчего ж...».....	85
«Зима настала, над землёй летает снег...».....	86
«А мне навевал Фет купить большого карпа...».....	87
Голова.....	88
«По снегу, по липкому снегу...».....	90
«Плывёт, плывёт торпеда...».....	91
«Осень. По небу летят располневшие гуси...».....	92
«Над болотом стало тихо...».....	94
«Холмы, холмы да перелески...».....	96
Болотный рэп.....	97

Дibuны

«Мне больше не к чему стремиться...».....	101
«Когда в усталости кромешной...».....	102
«Кровать. Будильник. Голосок...».....	104
«Выйдешь в мир из офисной кабины...».....	106
«И было всюду торжество...».....	107

«Что тебя, мой друг, одолевает?...».....	108
«Не монументы, не чертоги...».....	110
Артисты.....	111

Я возвращаюсь к себе

«Часто хочешь себя испытать...».....	115
«Я хочу попросить прощения...».....	116
«Я возвращаюсь туда, где весна...».....	117
«Ты далеко, в краю большой жары...».....	118
«Рассвет и снег, и май — сумятица такая...».....	119
«Я хочу тебе рассказать о том...».....	120
«М10. А над ней таинственная мгла...».....	121
«Весь потаённый мир души...».....	122
«Все мои страдания, кажется, далеке...».....	123
«В изначальной Вселенной у Бога-гения...».....	124

Перейдя душевные пределы...

«Хорошо. Остался кусочек лета...».....	129
«Чудесное утро осеннее...».....	130
«Без страдания стихи не даются...».....	131
Камыши.....	132
«Из ничего, из ничего...».....	133
«Врут весы, чтоб меня не расстраивать...».....	134
«Молись, молись, пока жива...».....	135
«Тихое озеро, тихий камыш...».....	136
«Снег падает тихонечко, тихонечко...».....	137
«Все перейдя душевные пределы...».....	138
«Переживаешь за героя...».....	139

Елена Юрьевна Литвинцева

Кружным путем

Редакторы *Вероника Капустина, Наталия Сивохина*

Составление при участии *Бориса Григорина*

Корректор *Юлия Гомулина*

Художественное оформление и вёрстка *Евгении Шварёвой*

Подписано в печать 25.07.2023

Формат 84x108 /32. 4,5 лист печ.

Тираж 200 экз. Заказ № 01-02

Санкт-Петербургская общественная организация
«Союз писателей Санкт-Петербурга»

Отпечатано в ООО «Геликон Плюс»

Санкт-Петербург, В0, 1 линия, 28, литер А, пом. 1Н, ч. п. 1-18

<http://www.heliconplus.ru>